

798

15.01.91

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА,

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Жизнь и смерть - 1991 - 30 окт. (и 40) - с. 2

29. ГОРЯЩИЕ ГЛАЗА

Пришло поразившее меня известие: Тенгиз Абуладзе объявлен... врагом Грузии, подобно Эдуарду Шеварднадзе, незадолго до этого тоже объявленному врагом Грузии.

Это вызывало протест, непризнание, отвержение. Особенно в отношении Абуладзе, которого я знал по ВГИКу еще в 50-е годы. Незабываема молодая картина «Лурджа Магданы», которую он поставил вместе с Ревазом Чхеидзе, — она вся проникнута атмосферой Грузии, ее воздухом, любовью к ее дорогам и перепутьям, ее бедным и гордым людям.

Еще один крупный план воспоминаний: фильм Тенгиза «Мольба». Как только не стегали в печати и на собраниях это талантливое произведение, обвиняя его в эстетстве. А ведь это тоже был гимн его родному народу, его истории и надеждам. Поэтические образы Важа Пшавелы продолжили свою удивительную жизнь в кадрах фильма.

Позднее Абуладзе пришлось выдержать еще одно испытание, когда его фильм «Покаяние» долгие месяцы находился в подполье под другим названием и только после апреля 1985 года увидел свет и получил широчайшее признание.

Все во мне протестовало против наветов на благородного человека. Я отправил ему в адрес Союза кинематографистов Грузии телеграмму, в которой есть такая строка: «В эти тревожные, переломные дни выражаю свою солидарность с Вами — художником, гражданином, человеком огромного личного обаяния...»

Дошла ли моя телеграмма до адресата? Я не знал. Ведь в это время в Тбилиси воздвигались баррикады, как в свой час в Вильнюсе, Риге, Москве.

Узнаю, что на баррикадах, объявив голодовку, ходят и другие бывшие вкиовцы — режиссеры Эльдар Шенгелая, Лана Гогоберидзе.

В решительных акциях протеста участвует тоже близкий мне воспитанник нашего института режиссер, недавний генеральный директор киностудии «Грузия-фильм» Реваз Чхеидзе. Теперь и им мне хочется выразить мою дружественность. Но телеграммы на баррикады не доставляются, звонить в Тбилиси по телефону все равно что в поднебесье. Поэтому пишу эти строки — может быть, они дойдут.

...А теперь — резкий поворот в моем разбросанном внутреннем монологе о впечатлениях, связанных все с теми же страшными и великими августо-сентябрьскими днями 1991 года и с тем, что обозначено в заголовке этих заметок.

Рига. Январь, март и август 1991 года. Я встречаюсь с Виктором Лоренцом, с которым мы рука об руку прошли вкиовские 50—60-е годы (чуть позднее, чем учились Абуладзе и Чхеидзе): Лоренц — в качестве студента, я — руководителя мастерской. Его курсовой сценарий «Родина, прости!», напечатанный в нашем альманахе «Творчество молодых», впоследствии воплотился в фильм «Я все помню» Ричарда.

Но особенно мне запомнилась его пламенно отвергнутая киностудией заявка «Горящие глаза». Ее герой — латышский юноша, поверивший в новую жизнь, во все, что внушали учителя, учебники, пресса. У него были горящие глаза. Но постепенно его энтузиазм угасал. Все рушилось. И в глазах отразилось опустошение. Полное поражение.

То же потрясение, что случилось в судьбе лоренцовского героя, я потом наблюдал в жизни эстонского студента Юри Мююра, учившегося у нас режиссуре. Я помню его на трибуне открытого партийного собрания. Он вступал в партию, свято веря в наступающую после XX съезда КПСС новую жизнь. Его первые шаги в искусстве кино были обнадеживающи-

ми. Но вскоре система перемолола человека, подавила личность. Пошли месяцы, годы тяжелого заболевания Юри, выбившего его из жизни. Но все же перед смертью он успел снять картину, оставившую след в кинодокументалистике, — «Чтобы пахарь уставал». Это рассказ о том, как безрассудное устройство реальности делает всю работу крестьянина бессмысленной.

Повседневность, убивающая все живое.

И сейчас передо мной глаза Виктора Лоренца в момент, когда он заканчивал фразу: они уже не были горящими, как тогда, когда он юношей приехал из Латвии. В его взгляде ощущалась встревоженность. Не был ли задуманный им фильм рассказом о самом себе?

И вот на протяжении этого года мы трижды встречаемся в Риге. В каждый из моих приездов он и его жена Тамара оставались дома одни — их сыновья Свен и Аскольд дежурили на баррикадах. Я понимал состояние родителей, их глаза выражали многое — но только не опустошенность. Даже в момент, когда мы находились недалеко от памятника Свободы, на месте, где пролилась кровь молодых героев, соратников режиссера Подниенса.

Особенно сблизила нас ночь с 19 на 20 августа: сыновья Лоренца находились на баррикадах в центре Риги, а мои дочери Лариса и Наталия и их дети — у Белого дома в Москве. Каждый на своем месте защищал свободу от крючковщины и язвочки, от тоталитарной агрессии, от расправы над личностью. Сброшены были оковы страха и полусуществования. Мы все становились сами собой — в Тбилиси или Риге, Вильнюсе или Москве — всюду, где шла борьба не на жизнь, а на смерть за правду и свободу.

Илья ВАЙСФЕЛЬД.

Мир Ю